

13.3.95.
Мечев Владислав

ЧТО БЫЛО, ЧТО БУДЕТ, ЧЕМ СЕРДЦЕ УСПОКОИТСЯ

Девять дней его нет с нами. Сегодня, в четверг, когда выходит номер, его душа навсегда покидает этот мир, чтобы обрести вечный покой в ином, неведомом нам мире. Царствие небесное!

Боги, боги мои! Как грустна наша земля! Как несправедлив и жесток мир, в котором убивают подлым выстрелом в затылок! Убивают лучших – самых светлых и самых талантливых, каким был Владислав Листьев. "Если это и есть демократия, то грош ей цена. Будь она проклята!" – сказала Людмила Турченко на следующий день после гибели Влада.

В воскресных "Утгах" – коллега и друг Влада Леня Парфенов попытался объяснить феномен Листьева: "Профессиональные подвиги – поставить программу и передать ее другому ведущему – демонстрировали публике дефицитнейшую уверенность в своих силах. Листьев оказался единственным воплощением нового хозяина жизни, чье благополучие не только не вызвало никаких претензий, но отчасти даже примиряло аудиторию с нынешними временами: выходит, и в эпоху незаслуженных успехов может быть успех бесспорный и заслуженный. Насильственное уничтожение самого заразительного образца жизнелюбия потрясает основы массового самосознания. Причины потом будут исследовать профессионалы. Последствия сейчас почувствовали все. Миллионы людей понятия не имеют про акционирование и рекламное время, для миллионов теперь единственная тема: оказывается, мы живем на Поле Страшных Чудес, где каждый Час – Пиковый.

Семь лет, всего семь лет напряженной творческой жизни были отпущены Владу Листьеву. Их было четверо – "мальчиков", начавших новую телевизионную эру. Листьев – единственный уловил потребность и насущную необходимость времени – в естественных развлечениях, в возврате к общечеловеческим темам и проблемам. Егор Яковлев, после глупца возглавивший "Останкино", вспоминает, как Влад Листьев пришел к нему с идеей "Темы". "Идея прекрасная, – сказал председатель, – но я никогда не поверю, что ты сможешь придумать темы для передач хотя бы на полгода вперед". "Завтра я пришлю вам список на год вперед", – ответил Влад. И прислал. Яковлев, сам профессиональный журналист, был поражен разнообразием и оригинальностью расписанных действительно на год вперед тем.

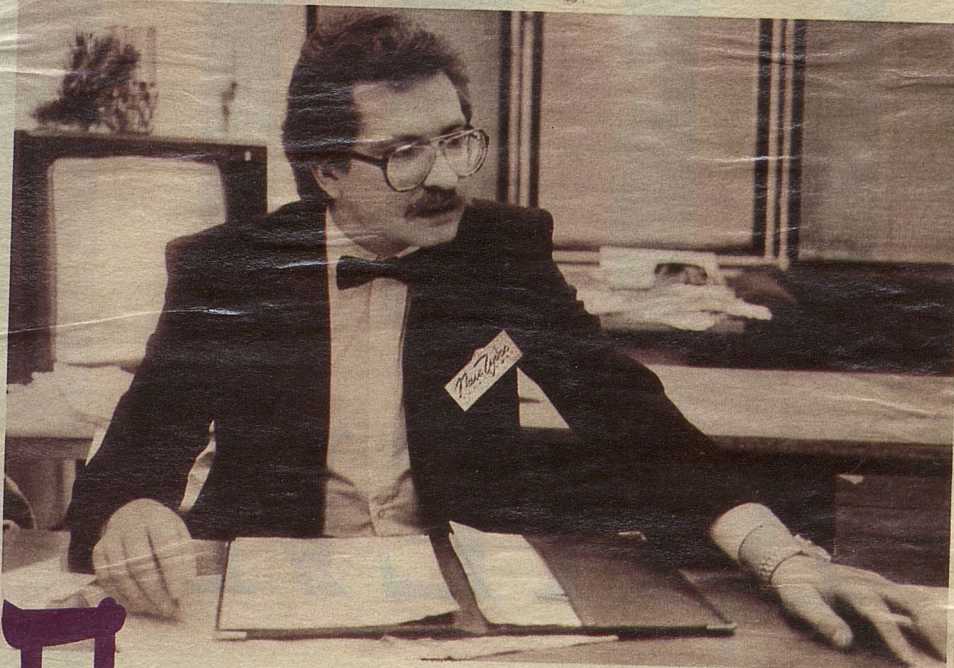
Мы вновь увидели многие программы Влада в эти трагические дни. Мы увидели, как он менялся, – от "Взгляда" к "Полю чудес", от "Поля чудес" – к "Теме", от "Темы" – к "Часу Пик". Симпатичный смешливый мальчик превратился в элегантного, уверенного в себе, ироничного джентльмена, бесспорного лидера среди других шоуменов и ведущих.

Влад Листьев успел прочитать новогодний номер "Семь дней", в котором он по результатам социологических

СПЁЗЫ

Семь дней. - 1995. -
13-19 марта. - 42

ЭПИТАФИЯ

ПРОЩАЙ, КОРОЛЬ. ВИВАТ!

опросов был объявлен Королем эфира-94. Встретив Свету Сорокину, названную там же Королевой, он пошутил: "Королева, а не пора ли нам в свадебное путешествие?"

В прошлый четверг, когда были прерваны все передачи на всех телеканалах, на экранах возник портрет Влада. А за кадром зазвучала пронзительная песня в исполнении Тамары Гвердцители: "Прощай, Король, виват, прощай, Король! Ты был самим собой. Прощай, Король, прощай, прощай, Король. Теперь ты только мой".

Уверена: каждый, кто пришел проститься с ним, простился со **своим** Владом. Прощались со своим Владиком и мы, его однокурсники, выпускники факультета журналистики МГУ 1982 года.

На обложке вы видите его портрет, сделанный в 1981-м нашим однокашником Сережей Кузнецовым, известным сегодня фотохудожником и фотокорреспондентом "Общей газеты". Тогда наши мальчишки проходили сборы в военных лагерях. У нас в памяти Владик и останется таким – юным, дурашливым, обаятельным. Любимцем курса. Обязательным участником бесконечных студенческих вечеринок, которые потом, уже в другое время, стали называться тусовками.

На следующий день после его гибели мы собрались в прямом эфире в студии "Радио России" у Тани Визбор – тоже однокурсницы Владика. Плакали, смеялись, пели его любимые песни, вспоминали, каким он был. Один из позвонивших на радио слушателей (к счастью, только один!) высказал претензию: дескать, не нужно снижать его высокий светлый образ воспоминаниями о студенческих проказах. Но сам Владик, решили мы, нас бы одобрил. Он любил вспоминать свою юность, с удовольствием участвовал в общих сборищах и посиделках. И даже став супер-звездой, непременно приезжал на годовщины выпуска и всегда был самым собой – милым, родным Владиком.

После похорон, на поминках, где собрались однокурсники, выяснилось: практически каждый из нас был связан с Владиком до последнего его дня. Кого-то он устраивал на работу, кому-то – консультацию врача для ребенка, кому-то помогал советом, кому-то – билетами на запись его передач. Он был, остался и остается любимцем курса, он снова собрал и объединил всех нас. Даже после своей смерти. Его портрет, тот самый, что на обложке, мы поставили на столе – рядом со свечкой и ритуальной рюмкой водки, накрытой кусочком черного хлеба.

Мы плакали, смеялись, пили и пели, "Ты наш", – говорили мы, понимая: теперь ты не только наш. Вместе с нами с тобой прощались в этот день миллионы людей, для которых ты стал близким человеком, для которых твоя смерть – невыразимое горе и невосполнимая утрата.

Прощай, Владик. Мы всегда будем гордиться тем, что учились с тобой. Ты был лучшим из нас. Мы не успели сказать тебе это при жизни. Мы говорим тебе это сейчас. Мы знаем, что ты нас слышишь. Прости и прощай.

Ирина ПЕТРОВСКАЯ,

Петруха, как зовут меня мои однокурсники.
Как звал меня ты.

